А. В. КРАВЧЕНКО

Кравченко Артем Владимирович
MA (Public History), Московская высшая школа социальных и экономических наук
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (495) 564-85-82
E-mail: artemioskravchenko@gmail.com

ВОЖАТЫЙ В ПИОНЕРСКИХ ЖУРНАЛАХ 1920–1930-х ГОДОВ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Аннотация. В центре внимания автора статьи — понятие о вожатом в текстах центральных советских журналов 1920–1930-х годов, ориентированных на участников пионерского движения (прежде всего, в журналах «Вожак» и «Вожатый»). Восходящее к практике скаутинга пионерское движение породило ряд отличных от него категорий и социальных ролей; вожатый стал одной из них. «Вожатый» как понятие, вобравшее в себя и представление о низовом лидерстве, и установку на связь с властью, было удобным для практики пионерской организации, поскольку ее риторика исходила из постулата о детском самоуправлении и самодеятельности, но одновременно содержала устремление к объединению/подчинению партии и комсомолу. Объединяя в себе две разные категории, «вожатый» стал одним из тех понятий советского идеологического языка, которое хотя и не было рассчитано на полное переозначивание, но легко поддавалось «перетягиванию» значений. В течение двух первых советских десятилетий акцент сместился с вожатого как фигуры лидера, появляющегося непосредственно из среды детей, к вожатому как более взрослому товарищу пионеров, который осуществлял их связь с вышестоящими властными инстанциями.

Ключевые слова: вожатый, вожак, пионер, пионерское движение, скаут, комсомол, детские журналы.

© А. В. КРАВЧЕНКО

Вожатого я ждала всю жизнь, всю свою
огромную семилетнюю жизнь.

М. Цветаева, «Пушкин и Пугачев»

1

Вожатый как фигура, взаимодействующая с детьми и подростками, возникает в Советской России вместе с формированием пионерской организации в 1920-е годы. По своему происхождению понятие *вожатый* было связано с уже существовавшим в стране более десятка лет скаутским движением. Сам этот термин для обозначения должности не получил у скаутов широкого распространения и стал активно использоваться лишь в период вытеснения скаутской организации из Советской России.

Уникальность ситуации России 1920–1930-х годов выражалась не только в самой попытке реализовать универсалистский утопический проект на «одной шестой части суши», которая выразилась в масштабных экспериментах в самых разных сферах. Подобные попытки предпринимались и раньше — достаточно вспомнить хотя бы две крупнейшие революции XVIII в., Французскую и Американскую. Но именно советский революционный эксперимент достиг небывалого масштаба как по исходной радикальности замыслов, так и по длительности периода, во время которого предпринимались более или менее последовательные попытки воплотить эти замыслы в жизнь. И это породило не просто новые механизмы управления или взаимодействия внутри общества, но и новые социальные роли, новые профессиональные идентичности. Эти роли и идентичности вовсе не всегда были следствием целенаправленной деятельности творцов утопии, чаще — ее «побочными продуктами». Впрочем, это вовсе не уменьшало их значимость внутри реструктурируемого общества.

Взаимодействие государственных структур с молодежью и детьми, государственная политика в сферах детско-юношеских движений, школы и прочих институтов образования и социализации создали одно из важнейших «полей», где новые социальные роли и профессиональные идентичности созидались особенно стремительно. Разумеется, это не могло не привлечь внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей[1]. Но в то же время, насколько известно автору данной статьи, генезис понятия *вожатый*, как и процесс построения соответствующей идентичности не становились объектом отдельного исследования.

Между тем понятие это кажется чрезвычайно важным для анализа тех процессов, которые протекали как собственно в пионерском движении, так и в школе, в системе комсомола. Понятие *вожатый* находилось на

[1] Историография вопроса достаточно обширна. Приводим лишь несколько работ: [Вихавайнен 2000; Рожков 2014; Салова 2001; Шпаковская 2009; Avis 1987; Fitzpatrick 1978; Fitzpatrick 1979; Holmes 1999; Kelly 2007; Kirschenbaum 2001].

«острие» начавшегося в России еще в начале XX в. и развернувшегося в небывалых масштабах в 1920-е годы процесса вытеснения «родительской семьи как института социализации» [Рожков 2014: 39]. Государственный механизм теперь, пожалуй, впервые последовательно противостоит «традиционному фамилизму» и пытается вытеснить семейный авторитет авторитетами других институтов социализации. Пионерская организация и школа становятся в этих условиях важнейшими институтами, через которые власть пытается реализовать свое влияние на новое поколение. И, судя по всему, влияние это часто в итоге преобладало над влиянием семьи (об этом также см.: [Балашов 2003]). Так. В. П. Булдаков отмечает, что в этот период «некоторым детям родители казались “отсталыми”, советская школа, напротив, привлекала новизной» [Булдаков 2012: 653]. А. Ю. Рожков и вовсе говорит о «полном распаде семьи», когда «дети уже не хотели говорить о взаимных правах и обязанностях, они считали, что в семье существуют только взаимные отношения» [Рожков 2014: 45]. В любом случае «перераспределение социальных ролей между семьей и школой в пользу последней» многими детьми «было воспринято с одобрением» [Там же: 40]. Сходным образом воспринималось и усиление влияния возникшей на основе метода скаутинга пионерской организации, которая достаточно быстро интенсифицировала «суггестивные возможности власти» [Булдаков 2012: 264–266].

Некоторые исследователи обращают внимание на то, что пионерское движение в 1920-е годы «перевернуло ‹…› иерархию с ног на голову, активно призывая детей поучать старших» [Келли 2009: 27], и на то, что суть конфликта, развернувшегося между учителями и школьниками, отражала «не столько противоборство разных поколений, сколько конфликт различных идентичностей» [Рожков 2014: 21]. Однако нужно принимать во внимание и тот очевидный факт, что в пионерской организации был создан новый социальный институт, в принципе способный вступать в конкуренцию с семьей. Особую роль в рамках этого института занимала фигура вожатого. Она находилась не только в промежуточном положении между миром детей и миром взрослых, но и лавировала между собственно пионерской организацией и комсомолом, а позднее — также между школьной и внеклассной активностью. Все это делало место вожатого особенно чувствительным к тем изменениям, которые происходили в советском обществе.

Разумеется, вожатый, как и все пионерское движение, вовсе не был «изобретен» в пореволюционный период. Здесь стоит указать на очевидную генетическую связь с практиками скаутинга, существовавшего в дореволюционной России и в первые годы советской власти[2]. Тем не менее при внешнем сходстве вожатый не был полным аналогом скаут-мастера — об этом нам еще предстоит поговорить дальше.

[2] О скаутах в России 1920-х годов см., например: [Дружинин 2004; Кудинов, Ярмольчук 2004; Кучин 2008; Слезин 1999; Riordan 1985: 93–106; Riordan 1987: 136–160].

В центре внимания статьи — понятие о вожатом в текстах центральных советских журналов, ориентированных на участников пионерского движения (прежде всего, «Вожак» и «Вожатый»), и в некоторых методических и художественных текстах, выходивших в этот период отдельными изданиями. В качестве основного метода анализа применяется метод истории понятий (см.: [Бёдекер 2010]), но в максимально широком его понимании. Как отмечает Е. Н. Марасинова, история понятий в практике историков «выступает не как главная цель исследования, а как инструмент изучения источника, облегчающий путь от понимания текста к пониманию внетекстовой действительности» [Марасинова 2008: 104]. Ровно о таком инструментальном применении метода и идет в данном случае речь. Очевидно, что «слова, идеи и вещи должны изучаться как аналогические и взаимодействующие ряды явлений» [Виноградов 1999*:* 6], но цели, перспективы этого изучения могут быть различными. В данном случае мы попытаемся «глубже проникнуть в работу социальных механизмов» [Бикбов 2014: 23] применительно к периоду 1920–1930-х годов, но не заниматься собственно историей слова *вожатый*. Для решения поставленной задачи будут использованы некоторые приемы дискурс-анализа (см., например: [Огурцов 2014]).

2

Слово *вожатый* известно в русском языке с XVI–XVII вв.; первоначально существовала форма *вожатай* [Черных 1999: 160]. В словаре русского языка XVIII в. отмечено прилагательное *вожатый* (применительно к животному, ведущему стадо, а также в словосочетании «Вожатый корпус» с предположительным толкованием ‘штурманский’); существительное *вожатой* имеет следующие значения: ‘проводник; провожатый’, ‘лоцман’, ‘погонщик’, ‘предводитель, руководитель’, перен. ‘наставник, советчик’, а также ‘проводник электричества, тепла’ и ‘вожак стада’ [СРЯ 1987: 267]. Для ряда значений синонимом слова *вожатой* в языке XVIII в. было *вожак*: 1) ‘проводник, указывающий дорогу; провожатый’, перен. ‘наставник, руководитель’; 2) ‘передовой баран в стаде’ [Там же]. Частичное совпадение значений слов *вожатый* и *вожак* сохраняется и в словаре В. И. Даля. К началу XX в., очевидно, происходит значительная дифференциация значений двух этих слов, и в дальнейшем большую роль в этом играет вхождение слова *вожатый* в «номенклатуру» терминов пионерской организации.

Мы попытаемся сосредоточить внимание именно на том, как формировалось в 1920–1930-е годы представление о том, кто такой (*пионер*)*вожатый*[3], как смещались акценты в его описании и чем он отличался от вожака. В качестве основных источников будут служить два руководящих издания РКСМ с характерными названиями: «Вожатый» (1924–1991) и «Вожак»

[3] По имеющимся данным, термин *вожатый* первичен по отношению к названию *пионервожатый*.

(1928–1933), а также отдельные тексты из пионерских журналов[4] («Пионер», «Барабан») и брошюры, посвященные «пионерработе».

Если подробнее остановиться на двух ключевых для данной статьи источниках, журналах «Вожатый» и «Вожак», то можно выделить некоторые различия в характере структуры и контента каждого из них (хотя, разумеется, на протяжении своего существования каждый из журналов претерпевал существенные изменения). В целом «Вожатый» был журналом с более отчетливо заданной структурой номера. В нем имелась очевидная рубрикация и, несмотря на то что она менялась из номера в номер, некоторые разделы долгое время оставались постоянными. Так, во всех номерах «Вожатого» за 1938 г. неизменно присутствуют три раздела: «Живые дела» (о том, чем занимаются отряды и что предпринимают вожатые), «Беседы на сборе» (тексты о ключевых событиях, датах и т. п. для обсуждения на сборах), «Игры и песни». Другие разделы появляются более или менее регулярно: «Детский спорт», «Из боевого прошлого», «Жизнь замечательных большевиков», «Лучшие вожатые», «Беседы у костра», «В помощь вожатому-новичку» и т. д.

В «Вожаке» отсутствовала система рубрикации. В то же время он был меньше по объему, а кроме того, был в большей степени ориентирован на освещение политических событий, идеологических установок и в меньшей — на практические вопросы. Однако различия между двумя журналами не были кардинальными — в целом эти два печатных органа были схожи по своему построению и тематике.

3

Замена старых, скаутских названий на новые, пионерские, равно как и изменения в форме одежды, имели важное значение в позиционировании нового социального института[5]. В то же время происходили изменения самой структуры организации — прежде всего это касалось сферы взаимодействия с партийными и комсомольскими инстанциями. В этих условиях новые слова оказались связанными с уже отличными от скаутских руководящими ролями внутри детской организации. Слово *вожатый* было важно как термин, объединивший в себе сразу две социальные функции, которые существовали в скаутской системе: *руководителя патруля* (патруль — около восьми скаутов) и *скаут-мастера*, стоящего во главе отряда (около 50 скаутов). В практике российского бойскаутизма имперского и пореволюционного периодов слова, обозначавшие эти две роли, обычно были отчетливо разделены. Основатель скаутизма Р. Баден-Пауэлл в сво-

[4] Здесь и далее под «пионерскими журналами» понимаются все центральные издания, выпускавшиеся при участии комсомола и ориентированные на участников и организаторов пионерского движения, в том числе «Вожатый» и «Вожак».

[5] Необходимость привлечения скаутских методов работы с подростками была окончательно легализована в советской идеологии после выхода знаменитой брошюры Н. К. Крупской [Крупская 1922] и решения II Всесоюзной конференции РКСМ в мае 1922 г. Об этом см., например: [Кучин 2008: 182–184; Слезин 1999: 142].

ей книге «Scouting for boys» говорит о главе патруля (*Patrol Leader*) как о ребенке-скауте, которого избирают все члены патруля, и об инструкторе (*Instructor*) как о взрослом скаут-мастере (*Scoutmaster*), возглавляющем отряд. В подготовленном еще до Октябрьской революции отечественном «Руководстве по скаутингу» В. В. Попова и В. С. Преображенского глава патруля называется *вожаком*, а отряд возглавляет *инструктор*, который является *скаут-мастером*, он должен быть «в возрасте не менее 20 лет» [Попов, Преображенский 1917: 93–94]. При этом «патруль пользуется широкой свободой, подчиняясь лишь немногим основным правилам закона скаутов» [Там же]. Вожака патруля определяют следующим образом:

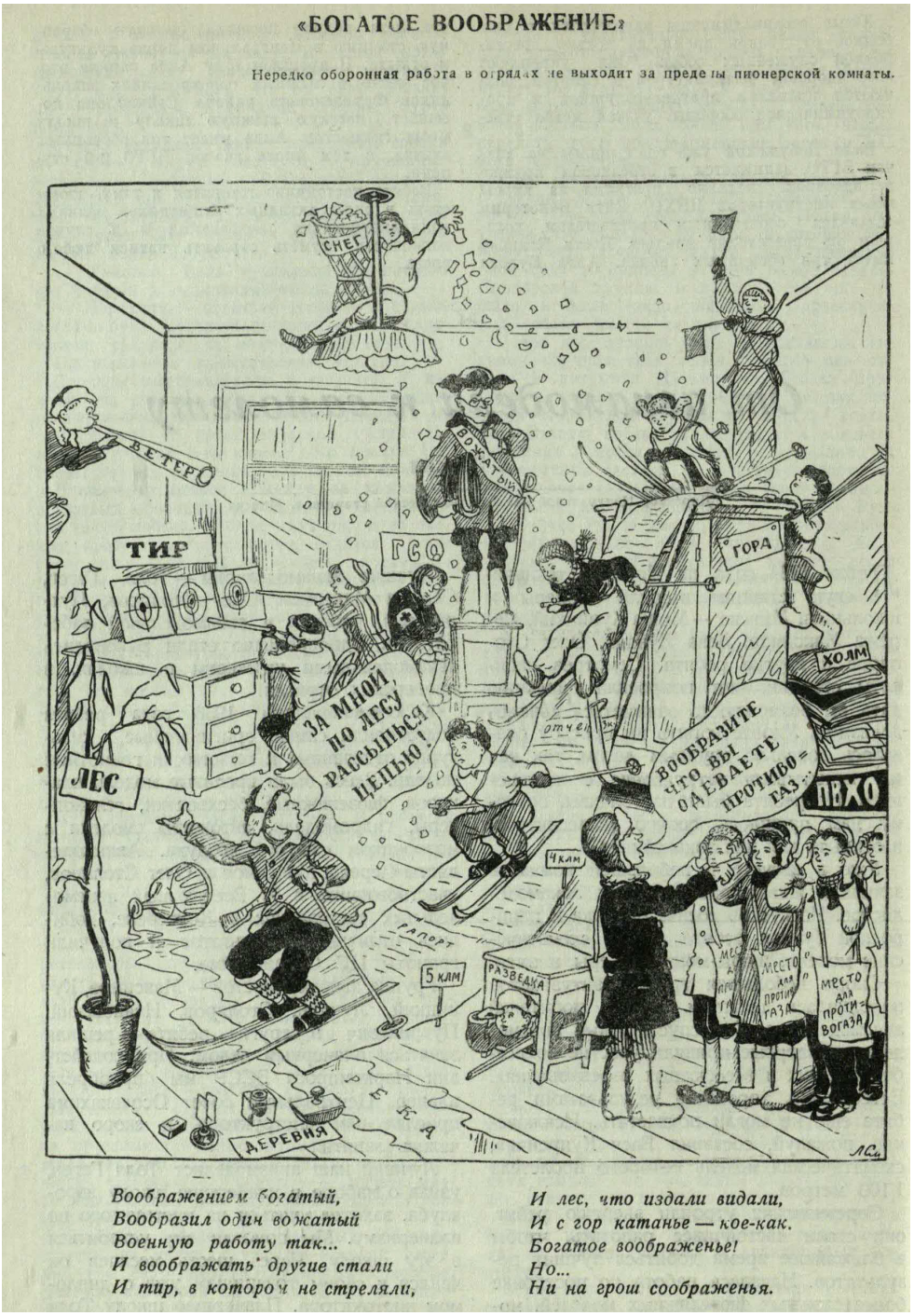
> Вожак патруля избирается самими мальчиками из своей среды. Его полномочия не определяются точно, вообще говоря, он является своего рода начальником патруля, когда патруль находится в действии, и подчиняется инструктору, заведующему всем отрядом. Иногда, впрочем, патрульный назначается инструктором. В свою очередь, он выбирает себе помощника, заменяющего патрульного в его отсутствие [Там же: 101].

В пионерском движении начиная уже с 1922 г. и главу отряда, и главу звена (звено соответствует скаутскому патрулю) называют *вожатым*. Разумеется, в любом тексте обычно содержится пояснение, о каком именно вожатом идет речь — о вожатом звена (который, скорее всего, избирался пионерами из своей среды) или о вожатом отряда (т. е. о комсомольце, назначаемом для руководства пионерами «сверху» местной организацией). Но нередко, читая тексты 1920-х годов, не сразу можно понять, к какой из категорий относится пионерский руководитель, о котором идет речь. Вожатым отряда мог оказаться пионер, а звено мог организовать специально приехавший для этого комсомолец[6]. В первые годы своего существования журнал «Вожатый» еще полон призывов к максимальному продвижению самих пионеров в руководство детской организацией:

> Задача состоит в том, чтобы успеть организовать выдвижение из самой детской среды наиболее подготовленных и серьезных 14–15–16-летних мальчиков и девочек, которые смогли бы вести за собой детскую массу. Начать нужно с более серьезной подготовки вожатых звеньев, но одновременно действовать смелее, выдвигать самих пионеров в местные бюро, которые руководят детским движением [Тарханов 1924: 4].

Однако по мере структурирования работы пионерской организации возрастная и статусная разница между вожатым отряда и вожатым звена становилась все более очевидной.

[6] Характерно, что слово *звеновой* (или *звеньевой*) используется иногда для обозначения вожатого звена, но для *вожатого отряда* нет дополнительного названия.

«Богатое воображение». «Нередко оборонная работа в отряде не выходит за пределы пионерской комнаты». Карикатура из журнала «Вожатый» (1938, № 2)

«Осьмирук». «Нередко вожатые вместо того чтобы привлекать к руководству пионерскими кружками специалистов, берутся за все сами, в результате чего кружки работают плохо». Карикатура из журнала «Вожатый» (1938, № 3)

Еще в 1919 г. Н. К. Крупская, рассуждая о предшественниках пионеров — «юных коммунистах» (юках), говорит о том, что «кроме связи юков с организациями коммунистической молодежи, чрезвычайно важно организовать самоуправление юков. Жизнь юков еще не война, где опасна каждая ошибка» (см.: [Крупская 1927: 9]). Однако, судя по всему, в пионерской организации уже к середине 1920-х годов сформировалась очевидная установка на «руководство» детьми, их «самодеятельность» должна была осуществляться только посредством подобного руководства («при системе звеньев мы можем добиться руководства детьми через самих детей» [Зорин и др. 1924: 70]). Именно сочетание самоорганизации и связи с комсомолом — коммунистической молодежью — было ключевым требованием к зарождавшейся детской организации. Характерно, что организация юков была распущена в 1919 г. именно после того, как комсомолу не удалось полностью подчинить ее, поставить под собственный контроль: «…ни политруки, ни политкомы не пользовались таким авторитетом, как скаут-мастера, которые остались подлинными руководителями дружин и отрядов» [Кучин 2008: 166].

Хотя методисты признавали, что основной проблемой, стоявшей перед пионерским движением, было «внедрение в организацию принципов самодеятельности», позднее они настоятельно рекомендовали сохранять руководство «за комсомолом» [Кайдалов 1924: 20–21]. В вышедшем в 1924 г. пособии для инструкторов «Юный пионер» обозначена необходимость не слишком увлекаться организацией детского самоуправления, поскольку «наша главная задача — подготовить не для жизни в коммунистическом обществе, а для борьбы за коммунизм» [Там же: 21]. В журнале «Вожатый» можно найти высказывания, удивительным образом обосновывающие назначение руководства отрядов «сверху» комсомольскими ячейками и настаивающие на элиминировании демократических процедур. Так, авторы статьи «Кем должен быть руководитель в отряде» производят очень ловкий логический и риторический кульбит:

> Если бы мы выделяли не подходящих людей, тогда грош цена нашему назначению. Тогда ребята перепрыгнули бы через назначение и стали бы требовать выборности, а сейчас им это делать ни к чему, ибо назначенные комсомольцы к ним вполне подходят [М. З. 1924: 19–20].

Вожатый пионерского отряда с самого начала был связан с комсомолом и властной системой и вовсе не обязательно был самостоятельным низовым «вожаком». В этом смысле кажется показательной книга «Записки старого пионерработника» [Соловейчик, Магидович 1929], в которой становление главного героя, вожатого Бориса Громова, совпадает со становлением системы пионерской организации (период 1922–1925 гг.). Вначале герой состоит в скаутской организации, но потом вместе с частью ребят

«откалывается» и становится «юным разведчиком», а затем — пионером. Но несмотря на формальное вхождение в пионерскую организацию, настоящие изменения в системе управления внутри организации начинают происходить вовсе не сразу. Нововведениям противостоят старые «вожди» скаутов во главе с бывшим скаут-мастером Черным Вороном. Они, с одной стороны, тайно противостоят росту влияния комсомола в пионерской организации, а с другой — стремятся слишком много дел возложить на самих пионеров. Как отмечает главный герой, «какой бы активный пионер ни был, он все равно никогда не сможет организовать звено без руководства» [Там же: 47]. Однако заговор старых скаут-мастеров в итоге разоблачен комсомолом. Герой, случайно оказавшийся связанным с Черным Вороном, раскаивается, и комсомольская организация прощает его. С этого момента горбюро (городское бюро) играет в жизни пионерской организации «совершенно иную роль, чем раньше: прежде оно заслонялось, сначала советом дружины, потом советом легиона ‹…› теперь оно непосредственно руководит отрядами через райинструкторов» [Там же: 89]. В новой ситуации позитивные изменения сразу же становятся заметны. Но на этот раз препятствием к развитию пионерского движения становится забюрократизированная и непродуманная работа «куратора» пионеров из горбюро — Константина Попова. В итоге герой вместе с другими вожатыми отрядов решает, что «дело зашло слишком далеко», и пишет жалобу в журнал «Вожатый» [Там же: 123]. Статья инициирует скандал и борьбу, во время которой протестовавших пытаются обвинить в «групповщине». В итоге справедливость торжествует, и Попова смещают.

Таким образом, все ключевые события книги выстраиваются именно вокруг того, как герой-вожатый пытается установить контакт с комсомольскими руководителями, а организация работы с детьми выступает уже как что-то второстепенное. О выборности в этой ситуации речь заходит нечасто. Все завязано на отношении с теми или иными властными институтами или группами: ключевые решения о «карьерном росте» героя принимаются либо старыми скаутскими «вождями», либо комсомольскими лидерами. При этом поразительно, что в нескольких эпизодах второй части книги главный герой (заметим — положительный) последовательно демонстрирует не слишком серьезное и внимательное отношение к действиям вышестоящих инстанций. Так, получив от председателя уездного бюро комсомола план работы с новой пионерской группой и посчитав его нереализуемым и непродуманным, он просто выбрасывает его в окно поезда: «План я аккуратно сложил и выкинул в окно поезда. Надеюсь, что никто его не найдет» [Там же: 145]. На докладе «о конституции и кооперации» он откровенно спит, просыпаясь только тогда, когда ему предоставляют слово [Там же: 146]. Все эти детали, кажется, по замыслу автора должны восприниматься читателем как элементы нормального поведения, хотя сейчас затруднительно восстановить однозначную семантику этих эпизодов: это то ли следствие загруженности героя, то ли реализация идеи о том, что

даже требованиями вышестоящих инстанций иногда приходится пренебрегать. Не исключено, что автор просто стремится продемонстрировать «живость» персонажа.

В то же время своеобразным клише становится утверждение, что вожатый должен быть «не начальником пионеров», но их «товарищем». Глава отряда «…не начальник, командующий ребятами, и не учитель, натаскивающий их, а прежде всего товарищ всем ребятам ‹…› Наш комсомолец и не может быть никем иным, кроме как товарищем ребятам» [Там же]. Необходимо, чтобы «вожатый всеми мерами и способами развивал инициативу и самостоятельность самих детей, являясь их старшим товарищем, помощником, незаметно помогал, а не командовал» [Золотухин 1933: 10]. Более того, задачей вожатого провозглашается завоевание у пионеров «звания хорошего товарища» [М. З. 1924: 19–20].

При этом риторически все эти рекомендации отвергают любых пионерских «начальников» (но не руководителей!). Причина этого неприятия очевидна: в дореволюционной скаутской традиции термин *начальник* был как раз весьма употребительным. Так, будущий основатель пионерского движения, скаут-мастер И. Н. Жуков в 1916 г. в книге «Русский скаутизм» пишет именно о «начальнике звена», «начальнике отряда», «начальнике отделения» [Жуков 1916: 15], а В. В. Попов и В. С. Преображенский говорят о «своего рода начальнике патруля» [Попов, Преображенский 1917: 101]. Недопустимость же «начальников» в пионерской организации была очевидна. Критикуя сложившуюся на местах ситуацию и пытаясь продемонстрировать ее в качестве недопустимой и архаичной, пионеры говорили о том, что «вместо вожатых появились начальники, которые в пионерорганизации не нужны» [Сталин 1924: 13].

В формуле «вожатый = товарищ» делался очевидный акцент на отсутствие дистанции между вожатым и пионерами. Уже в 1933 г., отвечая на вопрос слушателя Высшей школы деткомдвижения о том, не игнорируется ли «политическое руководство вожатого» в его статусе «старшего товарища пионеров», Н. К. Крупская апеллировала к образу Ленина, которого «миллионы трудящихся называли товарищем», поскольку он «старался быть как можно ближе к массе и тем, кем он руководил», — так и «вожатый должен стремиться стать как можно ближе к пионерам, завоевать их доверие»[7].

Закрепление руководства пионерской организацией именно за комсомолом изначально обосновывалось большей возрастной близостью комсомольцев и пионеров. Ссылаясь на итоги XIII съезда РКП(б), О. Тарханов в журнале «Вожатый» подчеркивал, что «характер детского движения требует руководства со стороны юношей, а не со стороны взрослых» [Тарханов 1924: 4]. Подробное обоснование этого тезиса приводит в своей

[7] РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 284 (Ответы на вопросы слушателей Высшей школы деткомдвижения и пр.). Л. 14.

книге «Детское коммунистическое движение» [Гернле 1923] (ее фрагменты печатались в журнале «Вожатый») немецкий идеолог деткомдвижения Э. Гернле. Согласно Гернле, только юноша «может быть одновременно учителем, руководителем, другом и товарищем детей». И хотя молодежь еще «не вполне устойчива в нравственно-сексуальном отношении», «устойчивость» старших в большинстве случаев исчерпывается «мещанской нравственностью и отсталостью». Гернле советует опираться на возрастную группу 17–20-летних руководителей, но привлекать и руководителей «старше 20 лет». В целом, автор полагает, что «нет никаких оснований отказываться» от практики опоры на молодежь, ведь «сотрудничество взрослых товарищей очень желательно, но главное руководство необходимо предоставить юношеству» — «с этими юными пролетариями мы надеемся одолеть всю буржуазную педагогику и предпринять борьбу за трудовую и общественную школу в самой школе» [Гернле 1924: 10–11].

Вопросы об оптимальном возрасте вожатого (здесь явно подразумевался вожатый отряда) задавали во второй половине 1920-х годов и пионерские работники. Например, в 1927 г. у Н. К. Крупской спрашивают: «Зависит ли работа в отряде от возраста вожатого, молодой он или старый?» — и она отвечает: «…легче вожатым стать парнишке или девчонке из комсомола, которые пользуются у ребят естественным авторитетом», т. е. «конечно, молодой возраст не препятствие, а плюс» [Крупская 1927: 150–151].

При этом роль вожатого в школе первоначально была противопоставлена роли учителя. Вожатый должен был «одолеть всю буржуазную педагогику». Наиболее радикально эта оппозиция отражалась в художественных текстах. Например, в «Записках старого пионерработника» — в книге, рекомендованной к чтению подписчикам «Вожатого» и написанную авторами этого журнала, вожатый-комсомолец Борис Громов вступает в борьбу с учителями, притесняющими пионеров (они сажают учеников под парту и… заставляют вставать при своем появлении в классе):

> Оказывается, что борьба за новую школу — не такая уж отвлеченная штука, как мне казалось в начале года. Бывают случаи, когда она может дойти и до кулачной борьбы [Соловейчик, Магидович 1929: 103].

В инструктивных и образовательных текстах взаимоотношения учителей и вожатых репрезентированы далеко не так прямолинейно. Вожатый должен «объединять передовое учительство для работы над ним и вместе с ним» [Вл. З. 1929: 45]. Н. К. Крупская говорит о том, что основная задача вожатого — «заинтересовать учителя, показать ему, как работа отряда может помочь работе школы». При этом сферы ответственности четко разграничиваются:

> Вожатый — больше организатор, учитель — преподаватель. Вожатый обычно лучше знает среду, у учителя больше знаний; главная область работы вожатого — все же внешкольная [Крупская 1927: 158–159].

А. В. Луначарский в докладе на конференции по вопросам детдвижения и школы (февраль 1925 г.) описывает это взаимодействие совсем уж в возвышенных тонах:

> Нельзя себе представить ничего более прекрасного, как эту пару, если она совместно работает. Ни с педагогической, ни с человеческой точки зрения не представить себе более удачной комбинации. У педагогов должен быть житейский опыт, все это должен дать возраст, но вместе с тем педагог наш, да и всякий педагог отдается своей задаче, и он меньше всего общественен. У него нет настоящей гибкости, которую дает только юность, у него нет быстроты и живости. Он специальный педагог — это плохо. У юного педагога слишком мало житейского опыта, психологической проницательности, но вместе с тем юность есть абсолютно необходимая черта, чтобы быть настоящим другом и итти[8] в ногу, чтобы руководить детьми, говорить с ними на одном языке[9].

Нарком уверен, что «если бы они стали верить друг другу и нашли бы взаимность работать в 4 руки»[10], то результат непременно был бы великолепным.

К концу 1930-х годов, если судить по текстам рассматриваемых журналов, конфликты и даже несогласованность действий между вожатыми и школьными учителями уже отсутствуют. Исчезает их упоминание как в художественных текстах, так и в письмах, публицистике. Раньше взаимодействие «вожатый–учитель» мыслилось если не как борьба, то как взаимодействие равных, теперь же вожатый все чаще оказывается в роли младшего товарища педагога, фактически — его ученика. Вожатая К. Ларионова, например, описывает в своем письме в журнал «Вожатый» многочисленные плюсы сотрудничества с педагогом Извольской: «…на каждый непонятный мне вопрос я получала педагогически обоснованный ответ» [Педагог помогает 1933: 91]. Вожатый фактически встраивается в школьную иерархию, и заглавие статьи «От вожатого до завшколой» эмблематически представляет наиболее успешный вариант развития «карьеры» вожатого [От вожатого до завшколой 1933].

В журнале «Вожатый» изначально большое внимание уделялось тому, что должен знать и уметь вожатый отряда. В середине 1920-х годов обычно огра-

---

[8] Здесь и далее при цитировании сохраняем орфографию оригинала, но вносим изменения в пунктуацию согласно современным нормам.

[9] РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 206 (Речь на конференции по вопросам деткомдвижения и школы). Л. 29–30.

[10] Там же.

ничиваются отсылками к постановлению XIV съезда ВКП(б) 1925 г.: «Самая острая проблема в пионердвижении — это проблема подготовки квалифицированного вожатого, грамотного не только политически, но хотя бы элементарно грамотного в медицинском и в педагогическом отношении».

В начале 1930-х годов все больше места занимают статьи с подробным описанием того, что должен знать и уметь вожатый, чему должен научиться (см., например: [Королев 1929: 3–8]). В статьях, посвященных рассмотрению кадрового состава вожатых (и пионерработников) на местах, сквозит явное неудовольствие тем, что «большинство вожатых пришли к руководству непосредственно из пионеротрядов». Путь таких вожатых представляется как неудовлетворительный [Маг-ич 1929], а возраст кажется недостаточным для выполнения возложенной на них миссии:

> Одна пятая всех вожатых пионерских отрядов, таким образом, не вышла из пионерского возраста и больше половины не достигли 18 лет [Здзярский 1929: 24–25].

При подобном смещении акцентов неудивительным оказывается и то, что к концу 1930-х годов успешным вожатым отряда может представать уже и учитель. В хвалебной статье «Вожатый Иван Кириллович» в качестве положительного примера работы вожатого описывается опыт учителя зоологии, химии и физики. Мало того что пионеры называют его, естественно, по имени-отчеству, так он еще и характеризуется как «строгий». Тем не менее таинственным образом он является для пионеров «отличным товарищем»:

> Как-то само собой почувствовали ребята в Иване Кирилловиче вожатого в самом лучшем смысле этого слова. Как-то само собой стало для ребят ясно, что хотя Иван Кириллович учитель и при том строгий, требовательный учитель, но в то же время он отличный товарищ [Еськова 1938: 24].

Уже с конца 1920-х годов в журналах часто встречаются такие словосочетания, как «старый вожатый», «старый пионерработник». При этом, как и в случае с хрестоматийным выражением «старый большевик», эпитет *старый* здесь является, безусловно, позитивной характеристикой. В изданной в 1930 г. брошюре В. Зорина и В. Ханчина «Работа Пионеротряда: Практическое руководство для вожатых» (значительная часть глав которой уже была ранее опубликована в журнале «Вожатый») есть любопытное сравнение двух вожатых. Это же сравнение вновь повторяется в опубликованном в 1933 г. в журнале «Вожатый» тексте В. Ханчина. Один пионер говорит, что «вожатый у нас старый», и рассказывает о блестяще проведенной им кампании по подготовке к очередным праздникам. Другой пионер рассказывает, что их «вожатый молодой, но горячий», что фактически все, что должны были делать члены отряда, вожатый выполнял сам

и только потому достиг результата. Естественно, «старый» вожатый выступает как положительный пример, а «молодой» — как отрицательный [Ханчин 1933]. Достоинства юности, таким образом, становятся все менее заметными, а «старость» все более явно выступает как преимущество.

Одновременно с этим уже в течение 1920-х годов можно заметить некоторое изменение акцентов в статьях, которые затрагивали тему взаимоотношения со скаутизмом. Разумеется, скаутизм продолжал позиционироваться как отрицательное, враждебное всему советскому явление. В момент формирования пионерской организации еще можно найти тексты, где идет речь о «заимствовании методов бойскаутизма» (к чему призывала в отдельной брошюре Н. К. Крупская [Крупская 1922]). К середине 1920-х принято говорить практически исключительно о «наследии старого скаутизма», которое надо изжить. Но в конце 1920-х годов в «Вожатом» можно встретить статьи, подробно описывающие практику зарубежного скаутизма и говорящие об отдельных его достоинствах — заимствование некоторых методов зарубежного движения, по-видимому, признается возможным. В рамках этой новой тенденции в качестве ключевого достоинства скаутской системы начинает выступать ее большая иерархичность и организованность. Например, М. Мечева пишет об особенностях руководства скаутской организации США, что «скаутским движением руководят взрослые, все руководство представлено строго выдержанной системой, узаконенной конструкцией», и сама утвердительно отвечает на собственный вопрос о том, дает ли подобная система руководства «нужные результаты» [Мечева 1929: 15]. Следовательно, делает вывод Мечева, нужно «не вздыхать над успехами противника», а «учиться на его опыте» [Там же: 16].

В статье, посвященной итогам VI Интернациональной конференции руководителей деткомдвижения, отдельный раздел («В лагере противников») был посвящен анализу опыта скаутов. Поразительны выводы, которыми автор объясняет успех скаутизма. Первая причина — это то, что «все направлено к единой цели капитализма уметь конкурировать, уметь противопоставлять себя сопернику». Вторая заключается в том, что «скаутизм является не частью какой-либо общественной организации страны, а является непосредственной организацией государства. Отсюда те громадные возможности, отсюда тот громаднейший агитационный аппарат, который имеется в распоряжении скаутизма» [Магрил 1929]. Сложно не увидеть в подобном выводе о скаутизме форму подачи устремлений пионерской организации к определенному характеру выстраивания собственной работы и отношений с государством.

4

Вернемся, однако, к упомянутому в самом начале статье разграничению терминов *вожатый* и *вожак*, а также вожатых звена и вожатых отряда. Журнал «Вожатый» был, очевидно, ориентирован все же на вторых и — как «орган молодой, революционной педагогической мысли» — апел-

лировал не к пионерам, но к комсомольцам и другим «старшим пионерработникам». Другой журнал — «Вожак» — позиционировался как «журнал детского актива» и был явно в большей степени ориентирован на вожатых звеньев и на других деятельных пионеров. В брошюре «Вожакам о вожачестве» напрямую указывалось, что «эти-то ребята — вожаки и зачинщики — и есть пионерский (и детский) актив» [Вожакам о вожачестве 1929: 7]. Редакционный манифест первого номера «Вожака» прямо говорит о том, что его аудитория — пионеры-активисты, а не взрослые:

> В звеньях, отрядах, школах работают тысячи активистов, они — фундамент нашей организации [О «Вожаке» и вожаках 1928: 3].

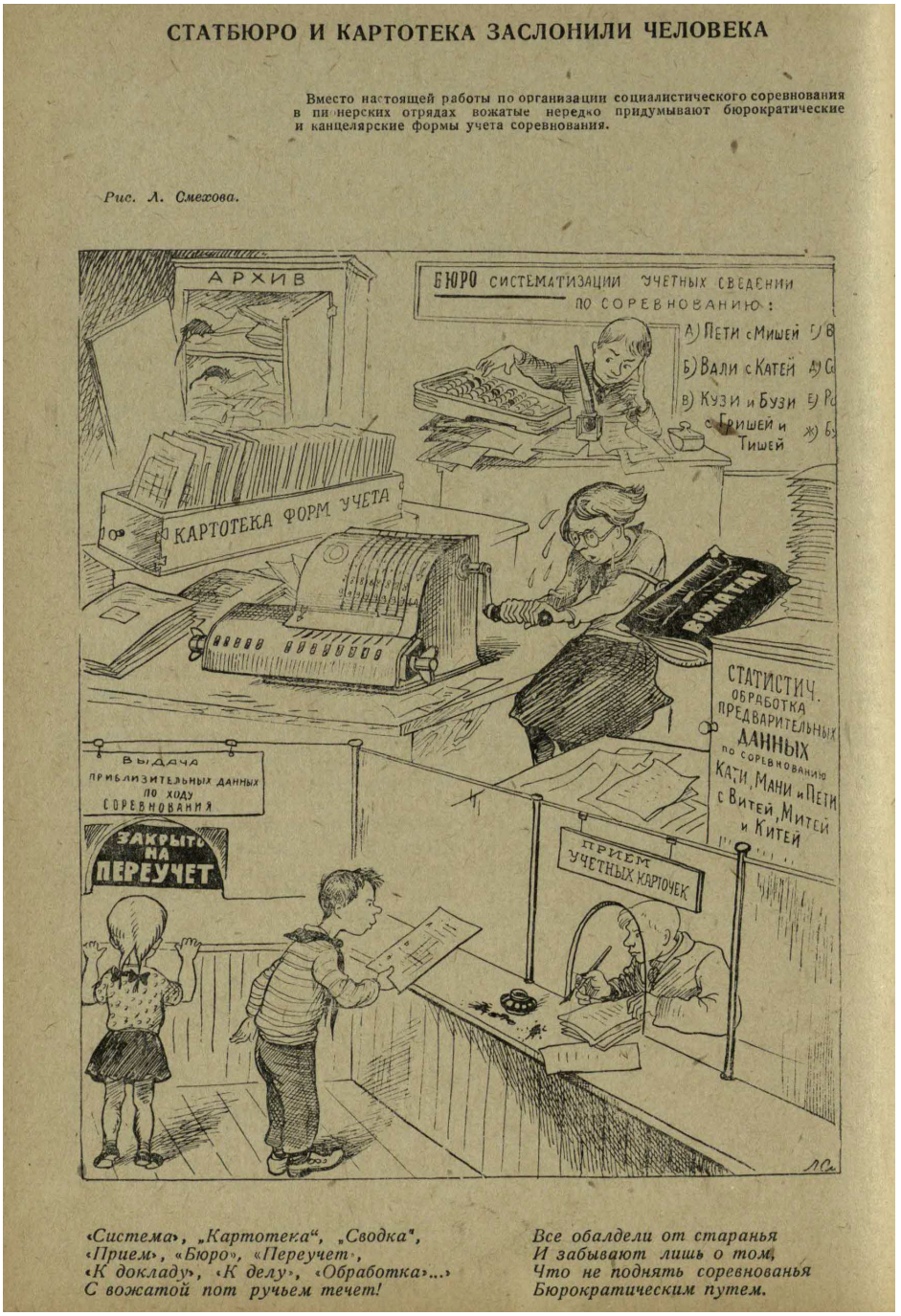
Иногда слово *вожак* встречается в качестве синонима *вожатого*, но эти случаи скорее представляют исключение. Так, можно найти упоминания «экзамена на звание вожака» (т. е. вожатого отряда) или прочитать о «фактах нарушения выборности вожаков» [Архипов 1933: 18; см. также: Шамет 1939: 22–24].

В целом *вожак* — всегда лидер, признанный именно неформально (либо избранный «снизу», либо завоевавший доверие). В статье И. Драпкина «Вожак или бузотер?» под вожаками автор понимает «детей, которые имеют влияние в коллективе, безразлично — положительное или отрицательное, но влияние значительное, известным образом отражающееся на жизни всего коллектива или части его» [Драпкин 1929: 13]. Драпкин опровергает позицию «многих работников», которые представляют вожака как ребенка, «обязательно вредно влияющего на детскую среду, противопоставляющего себя педагогу или вожатому» [Там же], поясняя, что «вожачество среди детей — явление обычное, нормальное». Напротив, «вожак, при умелом к нему подходе, может быть лучшим помощником вожатого», просто «вожак нуждается в серьезном руководстве и воспитании» и «должен постоянно чувствовать, что его старый товарищ по работе — вожатый — учитывает его работу и выравнивает ее» [Там же: 16].

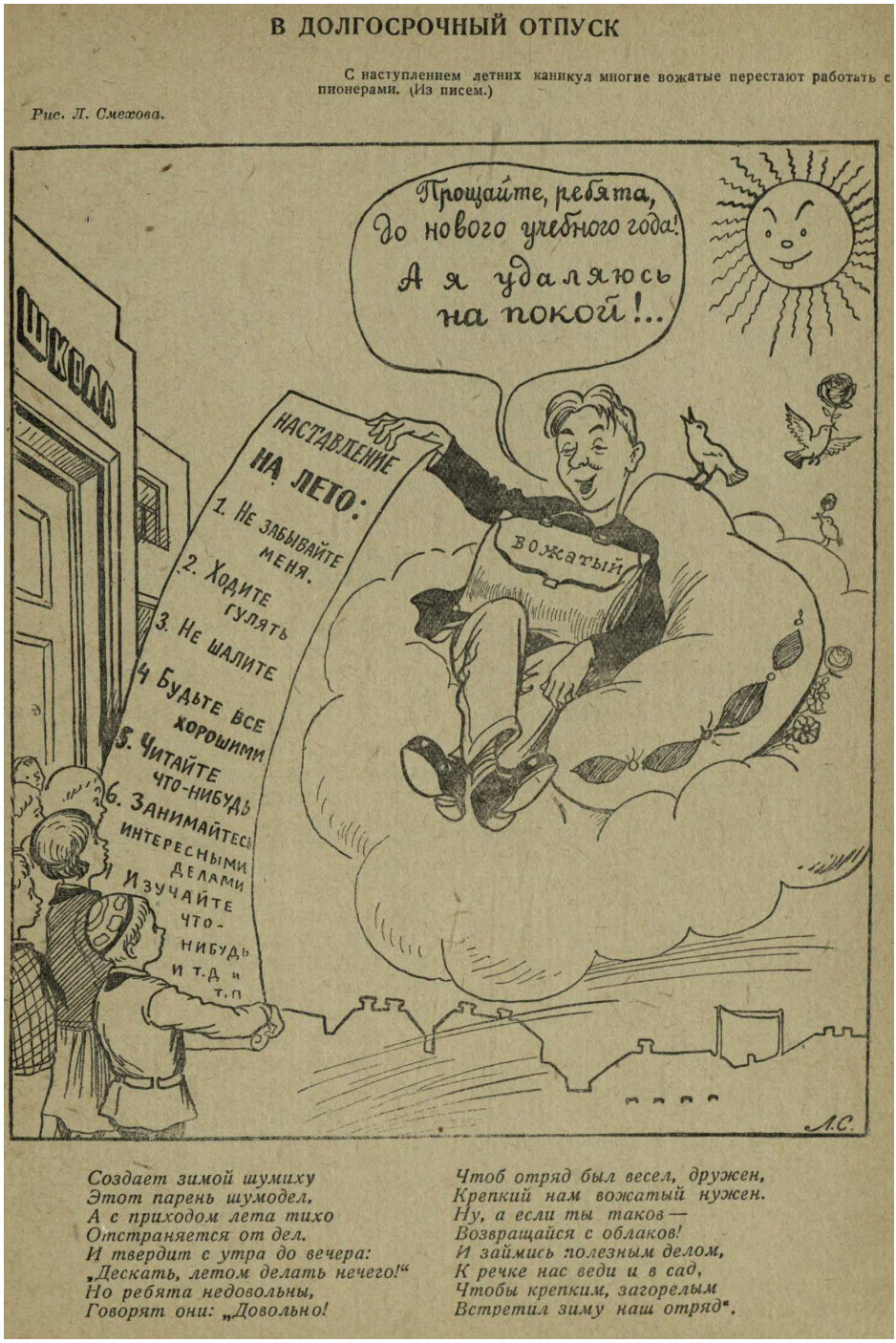
Авторы пионерской прессы зачастую прямо указывают на то, что личностные качества вожака приобретаются самовоспитанием и тренировкой:

> …Никто не рождается готовым вожаком, но каждый пионер при желании может им стать [Генин 1929: 11].

В любом случае, говоря о вожаках, чаще всего имеют в виду именно активистов, способных «вести за собой». Их место в официальной иерархии пионерской организации не так важно. *Вожак* и *вожатый* здесь уже совсем не синонимы. Вожатый — это должность, которую пионер получает «по назначению», а вожак — неофициальный статус, который можно приобрести только с помощью личных качеств и влияния:

«Статбюро и картотека заслонили человека». «Вместо настоящей работы по организации социалистического соревнования в пионерских отрядах вожатые нередко придумывают бюрократические и канцелярские формы учета соревнования». Карикатура из журнала «Вожатый» (1938, № 4)

«В досрочный отпуск». «С наступлением летних каникул многие вожатые перестают работать с пионерами. (Из писем.)». Карикатура из журнала «Вожатый» (1938, № 6)

> …Если пионер, ставший вожатым звена, будет всегда помнить ‹…› свои обязанности и выполнять их, — он через некоторое время станет настоящим вожаком своего звена, будет пользоваться полным доверием и авторитетом у ребят [Вожакам о вожачестве 1929: 11].

При этом самих низовых вожаков призывают проявлять активность и не ждать решений сверху, т. е. от комсомольских руководителей (см., например: [Вожаки, решайте сами! 1930: 12–13]). Одновременно утверждается, что каждый пионер должен стремиться стать «вожаком всей детворы» и воздействовать на неорганизованных ребят.

В 1930-е годы уже невозможно найти словоупотребление *вожак* в значении ‘пионер, официально руководящий звеном’. Эту нишу полностью занимает *вожатый*. В 1933 г. прекращает выходить и само издание «Вожак». Низовой пионерский «активизм» продолжает поощряться, но пишут о нем в пионерских журналах все реже. При этом внутри комсомола уже во времена нэпа происходит смещение значения самого слова *активист*. Как отмечает А. А. Слезин, в 1920-е годы в комсомоле «понятие “активист”, “активный работник” означали не активную общественную деятельность, а принадлежность к управленческому аппарату» [Слезин 1993: 14].

Однако в пионерской организации слово *активист* не превратилось в форму именования аппаратчика. Зато вожатый, призванный быть «организатором пионерской самодеятельности», явно становится теперь все более значительной и отделенной своим авторитетом от «пионерских масс» фигурой. Власть посредством одноименного журнала коммуницирует именно с ним, а не с пионером-вожаком. Более того, самостоятельные действия и усилия пионеров представляются к началу 1930-х годов в некоторых текстах бессмысленными, если не вредными. Они приобретают смысл лишь как результат выполнения указаний вожатого, который, в свою очередь, является посредником между пионерами и партией (вождем). Так, например, в рассказе «Таланты и весна» деревенские пионеры Митя и Сережа готовят пьесу о капитализме и мастерят модель ледокола «Сибирь», но вдруг оказывается, что все их усилия никому не нужны:

> Взмахивая рукой, как знаменем, пионервожатый Савчук на сборе отряда медленно, с точками, запятыми в голосе, прочел речь товарища Сталина о работе в деревне и постановление правительства о заготовке хлеба [Добровольский 1933: 2–3].

Сначала Митя и Сережа очень расстроены, что их работа оказалась ненужной и бесполезной, но «Савчук все объяснил просто, и все стало ясно ‹…› дело в умении использовать свои неисчерпаемые способности и таланты на фронте села» [Там же]. Пионеры принимаются за работу и с радостью участвуют в заготовке хлеба — иерархия взаимоотношений внутри пионерской организации уже выстроена и понятна.

Теперь, даже когда пионеры делают что-либо неправильное в отношении взрослого вожатого, часто они сами быстро понимают свою ошибку. Так, в «Разговоре с вожатой» Тамара Косякина описывает, как вожатая Лида обсуждает с детьми материал, размещенный в журнале «Пионер» (официальный орган Центрального бюро юных пионеров, ЦК ВЛКСМ) и посвященный распространенной форме хулиганства — стрельбе из «резинок». Вожатая выступает своеобразным посредником между властью и детьми. Дети послушно соглашаются с ее доводами, и все сдают свои «резинки» и «пульки». В последний момент кто-то кидает в вожатую бумажку, но тут же пионер Герасимов сам признается в проступке, просит прощения и даже плачет от стыда [Разговор с вожатой 1939: 72].

Единственные, кто, кажется, еще могут не знать во второй половине 1930-х годов о школьно-пионерской иерархии и правилах, — это приехавшие в СССР из-за рубежа. Прибывшие из Испании дети на призыв избрать ответственного старосту начинают спорить и заявляют:

> В СССР нет никаких старост и старших, все одинаковы, никто не подчиняет себе других [Комкова 1938: 38–40].

Впрочем, и они очень быстро усваивают новые правила.

* * *

Таким образом, слово *вожатый* заняло свое место в языке официальных именований низовых руководителей пионерской организаций во многом именно благодаря коннотативной нагрузке данного слова к началу XX в. Оно содержало более отчетливые ассоциации с указанием, направлением пути, что подтверждается даже существованием формы *вагоновожатый* (но не *вагоновожак*!). *Вожак* же (при всей близости значения двух слов в начале XX в.) был в большей степени связан именно с низовым, стихийным лидерством[11]. В итоге понятие *вожатый* оказалось более приспособлено для обозначения направляющего, ведущего за собой, поскольку в большей степени сочеталось с рождающейся советской властной «вертикалью». Именно это понятие (а не *вожак*) закрепилось в практиках пионерской организации, риторика которой исходила из постулата о детском самоуправлении и самодеятельности, но в то же время содержала устремление к объединению/подчинению партии и комсомолу. *Вожатый* стал одним из тех понятий советского идеологического языка, которое хотя и не было рассчитано на полное переозначивание, но легко поддавалось «перетягиванию» значений (которое и происходило в 1920–1930-е годы). Вожатый мог превращаться из низового «вожака» в учителя, из пионера во взрослого, из автономного организатора «детских масс» в проводника партийных решений.

[11] По данным Национального корпуса русского языка, с 1880 по 1920 г. слово *вожатый* употреблялось по преимуществу в значениях ‘управляющий транспортом’ (включая вьючный и гужевой) и ‘указывающий дорогу, проводник’, в то время как *вожак* — в основном в значении ‘руководитель, лидер, главарь’. — *Прим. ред.*

Говоря даже о ситуации начала 1920-х годов, вряд ли стоит переоценивать исходную степень «демократизма», которая потенциально была заложена в систему управления пионерской организацией и в вожатого как одну из ключевых фигур этой системы. Комсомол — организация, объединявшая пробольшевистски настроенную молодежь, на представителей которой пытался опираться Л. Д. Троцкий в своей борьбе с бюрократическим аппаратом за «новую политику» в 1923–1924 гг. (см., например: [Резник 2010]), — вряд ли был склонен позволить существовать детской организации, не встроенной в его собственную систему управления. Достаточно вспомнить скорый конец «юных коммунистов» (юков), уже в 1919 г. прекративших свое существование — вероятно, не в последнюю очередь именно потому, что им не удалось «встроиться» в комсомол, и скаут-мастера обладали там бóльшим авторитетом, чем «политруки и политсоветы».

Вожатый как новая категория пионерской идентичности послужила в определенной мере той связкой, которая позволила встроить новую детскую организацию, основанную на принципах скаутинга, в советскую властную систему. Характерно, что и сами скауты (и даже лояльные новой власти «красные скауты»), и их обличители нередко использовали по отношению к скаут-мастерам слово *вождь*. Разумеется, в устах самих скаутов это именование звучало скорее в игровом, потешном духе — в значении ‘предводитель племени’, обусловленном популярностью (и актуальностью для скаутизма) игры в индейцев. Так, например, создатель отряда «Племя “Белый Клык”» Владимир Собинин в 1922 г. начинал воззвание словами: «Так сказали вожди!» В конце же воззвания стояли подписи «Вождь “Белый Клык”» (т. е. сам Собинин), затем «Вожди малого совета» и, наконец, «Вожди племен» [Кучин 2008 : 174]. Но последовательные сторонники новой власти, особенно после смерти В. И. Ленина, могли говорить о «вождях» в детском движении лишь с очевидным оттенком сарказма и осуждения. *Вождем* в советской стране мог быть только тот, кто находился на вершине власти. Любые другие «вожди» — тайные или явные — противники советской страны. Не случайно в уже упомянутой книге «Записки старого пионерработника» враждебные новой власти скаут-мастера постоянно именуются именно *вождями* (см. [Соловейчик, Магидович 1929]).

При этом Ленин или Сталин, разумеется, легко могли именоваться *вожатыми*. В стихотворении В. Я. Брюсова на смерть Ленина находим характерную номинацию: «Вождь, земной Вожатый» [Брюсов 1924: 9]. Периодически и в пионерских журналах можно встретить именование В. И. Ленина или И. В. Сталина «вожатым нашей партии» (см., например: [Опыт революционной борьбы 1929: 1–3]). Вождь для пионера может быть вожатым. Но вожатый (если это пионерский вожатый) уже никак не может быть вождем. Его место в системе власти отчетливо обозначено, и он не должен пересекать установленные границы.

Литература / References

1. Архипов (1933). Задачи пионерорганизации в деревне // Вожатый. 1933. № 1. С. 18–19.

Arkhipov (1933). Zadachi pionerorganizatsii v derevne [The goals of the Young Pioneer organization in the countryside]. *Vozhatyi, № 1*, 18–19. (In Russian).

2. Балашов Е. М. (2003). Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление нового человека. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 236 с.

Balashov, E. M. (2003). *Shkola v rossiiskom obshchestve, 1917–27 gg.: Stanovlenie novogo cheloveka* [Schooling in Russian society, 1917–1927: The rise of a New Man]. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin. 236 p. (In Russian).

3. [Бёдекер (2010)]. История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 328 с.

Boedeker, H. E. (2010) (ed.) *Istoriia poniatii, istoriia diskursa, istoriia metafor* [History of ideas. History of discourse. History of metaphors]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russian).

4. Бикбов А. Т. (2014). Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 432 с.

Bikbov, A. T. (2014). *Grammatika poriadka. Istoricheskaia sotsiologia poniatii, kotorye meniaiut nashu real'nost'* [The grammar of order: Historical sociology of reality changing concepts]. Moscow: NRU HSE. 432 p. (In Russian).

5. Брюсов В. (1924). МЕА: Собр. стихов. 1922–1924. М.: Гос. изд., [1924]. 107 с.

Briusov, V. (1924). *MEA: Sobranie stikhov. 1922–1924*. [MEA: Collection of poems]. Moscow: Gos. izd. 107 p. (In Russian).

6. Булдаков В. П. (2012). Утопия. Агрессия. Власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени России, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 762 с.

Buldakov, V. P. (2012). *Utopiia. Agressiia. Vlast'. Psikhosotsial'naia dinamika postrevoliutsionnogo vremeni Rossii, 1920–1930 gg.* [Utopia. Aggression. Authority. Psycho-social dynamics of the post-revolution period in Russia. 1920–1930s.]. Moscow: ROSSPEN. 762 p. (In Russian).

7. Виноградов В. В. (1999). История слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: РАН, 1999. 1138 с.

Vinogradov, V. V. (1999). *Istoriia slov* [The history of words]. Ed. by N. Iu. Shvedova. Moscow: RAN. 1138 p. (In Russian).

8. [Вихавайнен (2000)]. Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы / Под ред. Т. Вихавайнен. СПб.: Институт Финляндии в Санкт-Петербурге, 2000. 479 с.

Vihavainen, T. (2000). *Normy i tsennosti povsednevnoi zhizni: stanovlenie sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–1930-e gody* [The norms and values of everyday life: The establishment of the socialistic way of life in Russia. 1920–1930s]. Saint-Petersburg: Institut Finliandii v Sankt-Peterburge. 479 p. (In Russian).

9. Вл. З. (1929). Вожатый в педколлективе // Вожатый. 1929. № 20. С. 44–46.

Vl. Z. (1929). Vozhatyi v pedkollektive [*Vozhaty* among teaching staff]. *Vozhatyi, № 20*, 44–46. (In Russian).

10. Вожакам о вожачестве. Библиотечка всесоюзных перевыборов пионерактива. М.: Молодая гвардия, 1929. Вып. 3. 47 с.

Vozhakam o vozhachestve. Bibliotechka vsesoiuznykh perevyborov pioneraktiva [Leadership for Pioneer leaders. Library of the All-Soviet Union reelection of the Pioneer volunteers] (1929), vol. 3. Moscow: Molodaia gvardiia. 47 p. (In Russian).

11. Вожаки, решайте сами! // Вожак. 1930. № 12/13. С. 12–13.

Vozhaki, reshaite sami [Pioneer leaders, decide for yourselves!] (1930). *Vozhak, № 12/13*, 12–13. (In Russian).

12. Генин Г. (1929). Звено в новой системе // Вожатый. 1929. № 1. С. 7–11.

Genin, G. (1929). Zveno v novoi sisteme [Squad in the new system]. *Vozhatyi, № 1*, 7–11. (In Russian).

13. Гернле Э. (1923). Коммунистическое движение детей: Работа в коммунистических детских группах. Харьков: Путь просвещения, 1923. 66 с.

Hoernle, E. (1923). *Kommunisticheskoe dvizhenie detei: rabota v kommunisticheskikh detskikh gruppakh* [The children's Communist movement: Activity in Communist groups for children]. Khar'kov: Put' prosveshcheniia. 66 p. (In Russian).

14. Гернле Э. (1924). Почему детдвижением руководит комсомол // Вожатый. 1924. № 1. С. 10–11.

Hoernle, E. (1924). Pochemu detdvizheniem rukovodit komsomol [Why is the children's movement led by Komsomol?]. *Vozhatyi, № 1*, 10–11. (In Russian).

15. Добровольский Н. (1933). Таланты и весна // Пионер. 1933. № 5/6. С. 2–3.

Dobrovolskii, N. Talanty i vesna [The talents and the spring]. *Pioner* [Pioneer], *№ 5/6*, 2–3. (In Russian).

16. Драпкин И. (1929). Вожак или бузотер? // Вожатый. 1929. № 2. С. 13–16.

Drapkin, I. (1929). Vozhak ili buzoter? [A leader or a hooligan?]. *Vozhatyi, № 2*, 13–16. (In Russian).

17. Дружинин В. В. (2004). Детское движение в России: историко-теоретический аспект. М.: Логос, 2004. 244 с.

Druzhinin, V. V. (2004). *Detskoe dvizhenie v Rossii: istoriko-teoreticheskii aspekt* [The children's movement in Russia: The theoretical historical aspect]. Moscow: Logos. 244 p. (In Russian).

18. Еськова Г. (1938). Вожатый Иван Кириллович // Вожатый. 1938. № 12. С. 21–24.

Es'kova, G. (1938). Vozhatyi Ivan Kirillovich [A *vozhaty* named Ivan Kirillovich]. *Vozhatyi, № 12*, 21–24. (In Russian).

19. Жуков И. Н. (1916). Русский скаутизм. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Пг.: Изд. Т-ва «В. Л. Березовский», 1916. 32 с.

Zhukov, I. N. (1916). *Russkii skautizm. Kratkie svedeniia o russkoi organizatsii iunykh skautov* [Scouting in Russia. A brief overview of the young scouts organization]. Petrograd: V. L. Berezovskii. 32 p. (In Russian).

20. Здзярский А. (1929). О составе вожатых // Вожатый. 1929. № 18. С. 24–25.

Zdziarskii, A. (1929). O sostave vozhatykh [About *vozhatys'* staff] // *Vozhatyi, 18*. 24–25. (In Russian).

21. Золотухин (1933). За решительное улучшение работы пионеротряда // Вожатый. 1933. № 1. С. 2–16.

Zolotukhin (1933). Za reshitel'noe uluchshenie raboty pionerotriada [For a drastic improvement in functioning of the Young Pioneer groups]. *Vozhatyi, № 1*, 2–16. (In Russian).

22. [Зорин и др. (1924)]. Сборник лекций, читанных на первых Московских губернских курсах работников детских коммунистических групп В. Зориным, М. Стремяковым, М. Смоляровым, и др. М.: Молодая гвардия, 1924. 170 с.

Sbornik lektsii, chitannykh na pervykh Moskovskikh gubernskikh kursakh rabotnikov detskikh kommunisticheskikh grupp V. Zorinym, M. Stremiakovym, M. Stoliarovym i dr. [A collection of

lectures of the first Moscow governorate courses read for staff members of children's Communist groups by V. Zorin, M. Stremiakov, M. Smoliarov and others] (1924). Moscow: Molodaia gvardiia. 170 p. (In Russian).

23. Кайдалов В. (1924). О районных советах вожатых звеньев // Вожатый. 1924. № 2. С. 20–21.

Kaidalov, V. (1924). O raionnykh sovetakh vozhatykh zven'ev [About the district soviets of *vozhatys'* squads]. *Vozhatyi, № 2*, 20–21. (In Russian).

24. Келли К. (2009). Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 312 с.

Kelly, K. (2009). *Tovarishch Pavlik. Vzlet i padenie sovetskogo mal'chika-geroia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 312 p. (In Russian; transl. from: Kelly, C. (2005). Comrade Pavlik: The rise and fall of the Soviet boy hero. London: Granta Books).

25. Комкова А. (1938). 12 muchachos (из дневника вожатой) // Вожатый. 1938. № 1. С. 38–40.

Komkova, A (1938). 12 muchachos (iz dnevnika vozhatoi) [12 muchachos (from a *vozhaty's* diary)]. *Vozhatyi, № 1*, 38–40. (In Russian).

26. Королев Ф. (1929). Нужна система подготовки и повышения квалификации пионерработников // Вожатый. 1929. № 21. С. 3–8.

Korolev, F. (1929). Nuzhna sistema podgotovki i povysheniia kvalifikatsii pionerrabotnikov [A system of advanced training for Pioneer movement staff is necessary]. *Vozhatyi, № 21*, 3–8. (In Russian).

27. Крупская Н. К. (1922). Р.К.С.М. и бойскаутизм. М.: Госиздат, 1922. 62 с.

Krupskaya, N. K. (1922). *R.K.S.M. i boiskautizm* [Komsomol and Boy scoutism]. Moscow: Gosizdat. 62 p. (In Russian).

28. Крупская Н. К. (1927). Пути пионерского движения. М.: Молодая гвардия, 1927. 218 с.

Krupskaya, N. K. (1927). *Puti pionerskogo dvizheniia* [The ways of the Pioneer movement]. Moscow: Molodaia gvardiia. 218 p. (In Russian).

29. Кудинов В. А., Ярмольчук А. В. (2004). История скаутского движения в России XX века. М.: Нац. ин-т бизнеса, 2004. 170 с.

Kudinov, V. A., Iarmol'chuk, A. V. (2004). *Istoriia skautskogo dvizheniia v Rossii XX veka* [History of the scout movement in Russia in the 20th century]. Moscow: Nats. in-t biznesa. 170 p. (In Russian).

30. Кучин В. Л. (2008). Скауты России. 1909–2007. Документы. Свидетельства. Воспоминания. М.: Минувшее, 2008. 632 с.

Kuchin, V. L. (2008). *Skauty Rossii. 1909–2007. Dokumenty. Svidetel'stva. Vospominaniia* [Russia's scouts. 1909–2007. Documents. Testimonies. Memoirs]. Moscow: Minuvshee. 632 p. (In Russian).

31. М. З. (1924). Кем должен быть руководитель в отряде // Вожатый. 1924. № 3. С. 19–20.

M. Z. (1924). Kem dolzhen byt' rukovoditel' v otriade [Who should the leader of a Pioneer group be like?]. *Vozhatyi, № 4*, 19–20. (In Russian).

32. Маг-ич Е. (1929). Тульский смотр. Бумаги и люди // Вожатый. 1929. № 1. С. 18–26.

Mag-ich, E. (1929). Tul'skii smotr. Bumagi i liudi [Inspection in Tula. Documents and people]. *Vozhatyi, № 1*, 18–26. (In Russian).

33. Магрил (1929). VI Интернациональной конференции руководителей деткомдвижения // Вожатый. 1929. № 11. С. 22–23.

Magril (1929). VI internatsional'noi konferentsii rukovoditelei detkomdvizheniia [To the 6th international conference of the leaders of the Communist movement of children]. *Vozhatyi, № 11*, 22–23. (In Russian).

34. Мечева М. (1929). Роль и форма руководства взрослым скаутским движением в Америке // Вожатый. 1929. № 6. С. 10–16.

Mecheva, M. (1929). Rol' i forma rukovodstva vzroslym skautskim dvizheniem v Amerike [The role and the methods of adult guidance in the American scout movement]. *Vozhatyi, № 6*, 10–16. (In Russian).

35. Марасинова Е. Н. (2008). Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. 484 с.

Marasinova, E. N. (2008). *Vlast' i lichnost': ocherki russkoi istorii XVIII veka* [The regime and the individual: Essays on Russian history of the 18th century]. Moscow: Nauka. 484 p. (In Russian).

36. О «Вожаке» и вожаках // Вожак. 1928. № 1. С. 3–4.

O "Vozhake" i vozhakah [About the journal "Vozhak" and Pioneer leaders] (1928). *Vozhak, № 1*. 3–4. (In Russian).

37. [Огурцов (2014)]. Методология науки и дискурс-анализ / Отв. ред. А. П. Огурцов. М.: ИФ РАН, 2014. 342 с.

Ogurtsov, A. P. (ed.). (2014). *Metodologiia nauki i diskurs-analiz* [Methodology of science and discourse analysis]. Moscow: IF RAN. 342 p. (In Russian).

38. Опыт революционной борьбы передаем детям // Вожатый. 1929. № 20. С. 1–3.

Opyt revolutsionnoi bor'by peredaem detiam [We transfer the experience of the revolutionary struggle to the children] (1929). *Vozhatyi, № 20*, 1–3. (In Russian).

39. От вожатого до завшколой // Вожатый. 1933. № 23/24. С. 72–73.

Ot vozhatogo do zavshkoloj [The way from a *vozhaty* to a head of school] (1933). *Vozhatyi, № 23/24*, 72–73. (In Russian).

40. Педагог помогает // Вожатый. 1933. № 23/24. С. 91.

Pedagog pomogaet [A pedagogue helps] (1933). *Vozhatyi, № 23/24*, 91. (In Russian).

41. Попов В. В., Преображенский В. С. (1917). Бойскауты. Иллюстрированное руководство самовоспитания молодежи по системе «скаутинг» сэра Роберта Баден-Пауэлла применительно к русской жизни и природе. Вып. 1–3. М.: Типография Сытина, 1917. 383 с.

Popov, V. V., Preobrazhenskii, V. S. (1917). *Boiskauty. Illiustrirovannoe rukovodstvo samovospitaniia molodezhi po sisteme "skauting" sera Roberta Baden-Pouella primenitel'no k russkoi zhizni i prirode* [Boy-scouts. An illustrated guide for self-education of the youth according to the "scouting" system of Sir Robert Baden-Pawell (adopted to Russia's social and natural conditions)], issue 1–3. Moscow: Tipografiia Sytina. 383 p. (In Russian).

42. Разговор с вожатой // Пионер. 1939. № 11. С. 72.

Razgovor s vozhatoi [A conversation with a female vozhaty] (1939). *Pioner* [Pioneer], *№ 11*, 72. (In Russian).

43. Резник А. В. (2010). Троцкизм и Левая оппозиция РКП(б) в 1923–1924 гг. М.: Свободное марксистское издательство, 2010. 113 с.

Reznik, A.V. (2010). *Trotskizm i Levaia oppozitsiia RKP(b) v 1923–1924* [Trotskism and the left opposition in the Communist party, 1923–1924]. Moscow: Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo. (In Russian).

44. Рожков А. Ю. (2014). В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.

Rozhkov, A. Iu. (2014). *V krugu sverstnikov. Zhiznennyi mir molodogo cheloveka v Sovetskoi Rossii 1920-kh godov.* [Among the peers: The world of a young person in Soviet Russia of the 1920s.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 640 p. (In Russian).

45. Салова Ю. Г. (2001). Политическое воспитание детей в Советской России. 1920-е годы. Ярославль: Ярославский гос. ун-т., 2001. 197 с.

Salova, Iu. P. (2001). *Politicheskoe vospitanie detei v Sovetskoi Rossii. 1920-e gody.* [The political upbringing of children in Soviet Russia. 1920s]. Yaroslavl: Iaroslavskii gos. un-t. 197 p. (In Russian).

46. Слезин А. А. (1993). Комсомол в советской политической системе в годы НЭПа (по материалам губерний Центрального Черноземья): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 1993. 23 р.

Slezin, A. A. (1993). *Komsomol v sovetskoi politicheskoi sisteme v gody NEPa (po materialam gubernii Tsentral'nogo Chernozem'ia): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Komsomol in the Soviet political system in the years of NEP (New Economic Policy), Based on the materials of the Central Chernozem Region. An abstract of a thesis … degree of Candidate of History]. Voronezh, 1993. 23 p.

47. Слезин А. А. (1999). Красные скауты // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 139–142.

Slezin A. A. (1999). Krasnye skauty [The Red scouts]. *Voprosy istorii* [Problems of history]*, 2*, 139–142. (In Russian).

48. Соловейчик М., Магидович Е. (1929). Записи старого пионерработника. 2-е изд. М.; Л.: Молодая гвардия, 1929. 171 с.

Soloveichik, M., Magidovich, E. (1929). *Zapiski starogo pionerrabotnika* [Notes of an experienced member of the Pioneer organization]. 2nd ed. Moscow; Leningrad: Molodaia gvardiia. 171 p. (In Russian).

49. [СРЯ (1987)]. Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 3. (Век — Воздувать). Л.: Наука, 1987. 296 с.

Sorokin, Iu. S. (ed.). (1987). *Slovar' russkogo iazyka XVIII v*. [Russian dictionary of 18th century], vol. 3. Leningrad: Nauka. 296 p. (In Russian).

50. Сталин З. (1924). Веснушки на лице // Вожатый. 1924. № 7. С. 12–13.

Stalin, Z. (1924). Vesnushki na litse [Freckles on the face]. *Vozhatyi, № 7*, 12–13. (In Russian).

51. Тарханов О. (1924). Партия и юные пионеры // Вожатый. 1924. № 2. С. 1–5.

Tarkhanov, O. (1924). Partiia i iunye pionery [The Party and the young pioneers]. *Vozhatyi, № 2*, 1–5. (In Russian).

52. Ханчин В. (1933). Каким должен быть вожатый // Вожатый. 1933. № 3/4. С. 18–20.

Khanchin, V. (1933). Kakim dolzhen byt' vozhatyi [What should a *vozhaty* be like]. *Vozhatyi, № 3/4*, 18–20. (In Russian).

53. Черных П. Я. (1999). Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. 560 с.

Chernykh, P. Ia. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [A historical-etymological dictionary of modern Russian language], vol. 1. Moscow: Russkii iazyk. 560 p. (In Russian).

54. Шамет Н. (1939). Вожак класса // Пионер. 1939. № 11. С. 22–24.

Shamet, N. (1939). Vozhak klassa [A leader in school class]. *Pioner* [Pioneer]*, № 11*, 22–24. (In Russian).

55. Шпаковская Л. Л. (2009). Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба // Журнал исследований социальной политики. Т. 7. № 1. 2009. С. 39–64.

Shpakovskaia, L. L. (2009). Sovetskaia obrazovatel'naia politika: sotsial'naia inzheneriia i klassovaia bor'ba [Soviet education policy: Social engineering and class struggle]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Studies]*,* 7(1), 39–64. (In Russian).

56. Avis, G. (ed.) (1987). *The making of the Soviet citizen: Character formation and civic training in Soviet education.* London: Croom Helm. 167 p.

57. Fitzpatrick, S. (1978). *Cultural revolution in Russia*. *1928–1931*. Bloomington: Indiana Univ. Press. 309 p.

58. Fitzpatrick, S. (1979). *Education and social mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 355 p.

59. Holmes, L. E. (1999). *Stalin's school: Moscow's model school, № 25, 1931–1937.* Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press. 232 p.

60. Kelly, C. (2007). *Children's world. Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven; London: Yale Univ. Press. 246 p.

61. Kirschenbaum, L. (2001). *Small comrades: Revolutionizing childhood in Soviet Russia, 1917–1932.* New York: Routledge. 232 p.

62. Riordan, J. (1985). "Be prepared": Russian boy scouts and Soviet pioneers. *Stadion, 11*(1), 93–106.

63. Riordan, J. (1987). The role of youth organization in the communist upbringing in the Soviet school. In G. Avis (ed.) (1987). *The making of the Soviet citizen: Character formation and civic training in Soviet education*, 136–160. London: Croom Helm.

Сокращения

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи.

"Vozhatyi" in Soviet magazines for pioneers in 1920–1930s: Ideological concept and fictional representation

Kravchenko, Artem V.
MA (Public History), Moscow School of Social and Economic Sciences
Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (495) 564-85-82
E-mail: artemioskravchenko@gmail.com

Abstract. The subject of the article is the concept of "vozhatyi" ("a guide"). From 1922 " vozhatyi" is a position in the Young Pioneer organization of the Soviet Union that, in terms of the scouting system, is close to a Patrol leader and, at the same time, a Scout-master. The key resources of the article are Soviet magazines for Pioneers (first of all, "Vozhatyi" and "Vozhak"). The Pioneer organization arose out of the practice of scouting, but the new Pioneer practice created some absolutely new categories and social roles. "Vozhatyi" is a clear product of this process. "Vozhatyi" is a notion that includes associations with self-government and spontaneous leadership, but, on the other hand, it also implies an idea of a connection with external authorities. This fact was very important in the context of constructing the Pioneer organization that tried to declare itself a representative of children's self-government, but at the same time tried to be strongly obedient to Komsomol and the Communist Party. Thus, the word "vozhatyi" could change its key connotations in different political and social contexts. For example, there is a definite shift in meaning from "vozhatyi" as a children's leader, taking part in Pioneers' self-governing (in 1920s), to "vozhatyi" as someone older who links children to the Communist authorities (in 1930s).

Keywords: vozhatyi, Pioneer, youth movement, scout, scouting, scoutmaster, Komsomol, children's studies, children's magazines, Soviet ideology, children literature.

Kravchenko, A. I. (2015). "Vozhatyi" in Soviet magazines for pioneers in 1920–1930s: Ideological concept and fictional representation. Shagi / Steps, 1 (1), 46–73